

УДК 101

О.А. Верещагин

кандидат философских наук, доцент

ННГУ имени Н.И.Лобачевского (Арзамасский филиал)

г. Саров, Нижегородская область

helgardt@mail.ru

ТОПИКА ПОСТФИЛОСОФИИ

[Vereshchagin O.A. Topic of post-philosophy]

The article is devoted to the analysis of contemporary practices of philosophical reflection. Topic of post-philosophy considered by the author in the context of the development of the principles of post-non-classical rationality. The author considers in detail the circumstances of the formation of alternative practices of philosophical reflection such as potentiology, phenomenology of corporeality, social topology. The article provides a critical assessment of the topological approach to social research. According to the author, the re-actualization of corporeality and bodily practices is the most important trend of modern philosophy.

Key words: decentration, post-philosophy, philosophy of mind, the mind-body problem, the topology of the subject, corporeality, post-non-classical epistemology

Претенциозная формула «дух времени» несет на себе отпечаток многовековой метафизической традиции, вопрошающей основания и первоисточки тех или иных ментальных состояний. На этом вопрошании строилась «трансценденталистская» интеллектуальная практика, генерировавшая смыслы и значения в черед снословых амбивалентностей, логических бинаризов и дуальных сущностей. В нынешней ситуации «переизбытка смысла», «информационной сверхплотности», «умножения библиотек» оказывается актуализированной идея «оздоровления» интеллектуального климата на основе философской инноватики и реактуализации и реакгрегации периферийных (маргинальных) смыслов и значений. Специально отметим, что указанные процедуры не имеют ничего общего с попытками переописания традиционного философского словаря, неоднократно инцирированными в истории западной метафизики. Современные интеллектуальные практики всерьез воспринимают оккамовский императив дискурсивного поведения и как раз отличаются высоким уровнем критической рефлексии по отношению к собственным интеллектуальным продуктам.

В описанном Ж. Деррида состоянии «вокруг вавилонских башен» [3] исследовательская позиция автора строится в условиях неустранимой множественности языков, перманентного «смещения» смыслов, что обязывает нас воспринять следующую максиму дискурсивной деятельности: «Никогда нельзя обходить молчанием вопрос о языке, на котором ставится вопрос о языке и на который переводится рассуждение» [3, с.10]. В этой дерридианской максиме эксплицирована основополагающая идея деконструкции об «оригинале как должнике и просителе перевода».

Современный философский дискурс не просто показательно рефлексивен, он конституирован самой практикой «самооговорения», «самоуточнения» и «самоопровержения». В определенном смысле это сознательная демонстративная логоцентрическая стратегия, низвергающая себя в лингвоцентризм и грамматолоцентризм.

Эпоха «post-post-mo» – таково обозначение нынешней ментальной и культурной ситуации, с типизированными характеристиками маргинальности, неопределенности, смысловой несостоятельности ее культурных продуктов и артефактов. Префиксная форма post является знаком, символической меткой Современности. Традиционные формы культуры, такие как Религия, Наука, Философия, Литература оказываются отрефлексированы и отформатированы в стилистике пост.

В причудливом сочетании «постнеклассическая рациональность» отражен весь пафос современного философствования и теоретизирования. То есть рассуждения в духе постфилософии строятся вне стилистики «или-или», вне тех смысловых эффектов, которые возникали в логике противостояния классического и неклассического мировоззрений.

Вопрос о статусе современного философского знания, по нашему мнению, решается именно в контексте конструктивного преодоления крайностей «монологических» философских систем, самозамкнутых на собственный теоретический и категориальный аппарат и нерелевантных нынешнему социоментальному контексту открытости и диалогизма.

Безусловно, идеи философской классики и неклассики продолжают свою духовную жизнь в новых культурных и идейных условиях, но их значение теперь в большей степени в инициировании философского творчества и интеллектуальной инноватики. Подобную конструктивную программу по агрегации новых

смыслов предлагает в частности М. Эпштейн, пытающийся представить новый философский опыт в «поссибилистских» («потенциалистских») мировоззренческих практиках [16]. «Философия возможного» в эпштейновском смысле призвана снять остроту в дискуссии о статусе философского знания, которая сопровождала философию на протяжении ее многовековой истории, разрешив, таким образом, мнимые противоречия в оценке результатов философского творчества.

Общеизвестно, что современный кризис философии, спровоцирован обстоятельствами «постмодернистского вызова», запустившего процесс «руинизации» специфических культурных оснований философской деятельности. Лингвоцентризм, семиотизм, текстуализм поставили под сомнение значимость любого философского творчества, поскольку релятивизировали сам философский опыт, представив его лишь в качестве опыта языковой деятельности. Философский номинализм постмодерна, воплощенный в постструктурализме и деконструкции, был направлен против эссенциализма и субстанциалистского редукционизма и главным образом, против реалистической теории репрезентации.

В постструктурализме и деконструкции язык – самозамкнутая эндогенная система, формирующая специфическое лингвобытие культуры. Лингвоонтология постмодерна бросает вызов «диктату реальности» и порождает особый тип мировоззрения – текстуалистский изоляционизм с основополагающей максимой о первичности «реальности дискурса» и метафорой «мира как текста».

Пантекстуализм интеллектуальных практик деконструкции оказался эффективной стратегией по развенчанию последних логоцентрических надежд в реалистической теории репрезентации «мира сущностей». Вместе с закатом эссенциализма делались неутешительные прогнозы относительно всей западной метафизики. В действительности, гуманитаристика обрела новые импульсы развития, произошел «новый сдвиг гуманитарной парадигмы» [12], ее качественное обновление. Можно предположить, что с логоцентризмом завершается определенный цикл в развитии западной философии, который условно можно назвать «ментализмом». Ментализм и его смысловые корреляты («реализм», «рационализм», «субстанционализм») нашел свое логическое завершение в деконструкции и грамматологии: «Развенчание логоцентризма обернулось его приумножением и факторизацией, последней ступенью развоплощения Логоса, лишившегося своих характеристик телесности и

присутствия, окончательно порвавшего связи с означаемым, замкнувшегося в самодостаточности отсылающих друг к другу означающих» [11, с.86].

Апофеозом грамматоцентризма завершается «бунт постмодернизма» против цивилизации Логоса. «Руинизировав» такие семантические фигуры логоцентризма как Бог, Природа, Человек постмодерн расчистил почву для постгуманистики, трансгуманистики и персонологии. Статус указанных гуманитарных («гуманологических») направлений все еще в достаточной степени неопределен, дискуссионен и требует дальнейшей аналитики. Разница в подходах ощущается буквально на мировоззренческом уровне. С одной стороны, апологетика коммуникационизма, инновационизма и дигитализации, с другой стороны, апокалиптика «жизненного мира» и эсхатология «эпохи Mortido» [5]. И в этой дискуссии гуманистов и гуманологов, технофобов и технократов, «человеков» и «постчеловеков» рождается новый философский дискурс – дискурс «post-post-mo», движимый интенциями качественного роста и идейного обновления философского знания.

Речь, конечно, идет о постфилософии как современном жанре философствования и актуальной форме философского интеллектуального поиска. Если попытаться избежать поверхностных констатаций и однозначных оценок философии в стилистике post можно отметить, что нынешний философский словарь обогатился рядом смыслообразующих концептов, понятий и категорий, которые по умолчанию используются всеми оппонентами в дискуссии о философском знании. Это негласная конвенция, некий общезначимый «лингвистический протокол», который делает возможным диалог между представителями различных философских школ и направлений.

В нашем исследовании мы попытались рассмотреть некоторые из наиболее значимых концептов в дискурсивном пространстве постфилософии, имеющих ярко выраженное экспликативное значение в аналитике существующих изменений современной ментальной сферы.

Важнейшей характеристикой современного философствования – является «ацентризм», который, парадоксально, для постмодернистского мировоззрения, признается фундаментальным принципом мышления в жанре постфилософии. «Ацентризм» возводится в ранг господствующей интенции «не-тоталитарного мышления», свободного от эссенциалистских и субстанциалистских иллюзий. «Ацентрическое мировидение» не предполагает выпадения в

область внешнего, трансцендентного. Имманентизм – принципиальная отличительная характеристика постмодернистской ментальности, позиционирующей себя так, чтобы не допустить прорыва за свои пределы, в контекст собственной имманентной сферы. Именно в нарочитом ацентризме постмодерна, зафиксированы «тотальность периферии, реверсия паскалевских слов, в результате которой «центр нигде, а периферия везде» [4].

Ацентрическое мировидение и мировосприятие является ментальным эффектом децентрации и в этом качестве воспроизводит реальность (предварительно «текстуализируя» ее) как изначально лишенную структурности и целостности. По нашему мнению, пантекстуализм постмодернистских практик «критического чтения» оказывается релевантен и комплементарен современным постнеклассическим теориям репрезентации (социосинергетика, диатропика, гетерология, ризоматика), призванных легитимировать стандарты и принципы постнеклассической науки.

Итак, децентрированность постмодернистского мира становится общим местом в критической рефлексии культурных оснований Постсовременности, превращая максимум «пересекайте рвы, засыпайте границы» [13] в базовый императив ментального поведения. Ключевая для постмодерна метафора «мира как текста» находит семантическое наполнение в концепциях интертекстуальности и гипертекстуальности. Интертекст становится преимущественным и привилегированным объектом постмодернистского анализа, а интертекстуальность превращается в особую интеллектуальную стратегию в анализе культурных объектов («текстуализированных» культурных объектов). В бартовской формуле «текст – это интертекст, «галактика означающих» [1, с. 40], зафиксирован радикальный переворот в западном сознании, означавший отказ от «парадигмы центризма» и исключавший морфему «центра» из объяснительной практики.

«Испытание лабиринтом» – в этой фразе зафиксировано мироощущение современника, оказавшегося в принципиально децентрированном и деиерархизированном пространстве современной культуры. Как нам представляется, символика лабиринта вплетается в любые интерпретативные версии как индивидуального, так и коллективного бытия, показывая несбыточность завоевать Небо: «Лабиринт – это иногда магическая защита некоего центра, некоего сокровища, некоего тайного знания» [14, с. 31]. Личностные и социальные экстраполяции

позволяют увидеть в метафорике лабиринта символическую модель истории человеческой культуры, тщетно пытающейся найти свой путь к истине. Лабиринт в постмодернистских текстах превращается в метаформу, представляющую некий гипертекст культуры, лишенный центра и четкой структуры, ибо в нем, говоря словами У. Эко, «нет тупиков и разветвлений, отсутствует ситуация перманентного выбора...» [15, с. 225]. Говоря о релевантности модели гипертекста современным представлениям о природе и сущности символического универсума, мы в первую очередь имеем ввиду репрезентативное значение гипертекста (и лабиринта как его художественного аналога) в качестве неомифологической модели культуры и метафоры современного существования.

Важнейшим смысловым эффектом децентрации является изменение статуса человека как субъекта культуры. Наиболее частотным понятием в современном постантропологическом дискурсе является понятие децентрированного субъекта как воплощения «нецентрированной модели» субъективности».

Напомним, что антиэссенциалистский пафос современного философствования направлен против абстрактной картезианской идеи – *res cogitans*. В данном случае уместно говорить о повсеместной критике субстанциалистских моделей («субъект-центрированных») субъективности. Для характеристики современной антропологической ситуации исследователи используют понятие детрансцендентализации субъекта. Субъект оказывается децентрирован множеством равноправных социокультурных практик и несет на себе характеристики «процессуальности», «ситуативности». Детрансцендентализированный субъект в новом ментальном контексте находит альтернативные формы воплощения – телесные практики, сфера бессознательного, волевые импульсы и т.д. Опыт детрансцендентализации субъекта, по нашему мнению, убедительно показывает, что абстракции, заложенные в идее трансцендентального субъекта, не релевантны актуальной повестке дня и не соответствуют самоощущению современного человека в современной ситуации.

Таким образом, в постфилософских рефлексивных практиках конструктивно преодолевается (деконструируется) такой фундаментальный для классической ментальности гештальт как субъект – объектная дихотомия. В постмодернистских концепциях интертекстуальности и интерсубъективности бинарная репрезентативная логика оказывается дезавуирована и качественно переосмыслена: «Бинарная принудительность линейного дискурса оправдана

не сфере сущего, в которой нет субординации главных и второстепенных ролей, но в сфере должного, в сфере идеальной жестокости» [9, с. 8].

Специально подчеркнем, что дилемма эссенциализма-конструктивизма была заложена в само основание «модернистского комплекса». Это наиболее устойчивый сюжет классического мировидения и миропонимания. Вся совокупная проблематика новоевропейской ментальности конституируется дистинкцией «*res cogitans*» и «*res extensa*», дивергенцией духовного и материального. Отсюда наличие в классической модернистской традиции двух векторов интеллектуального поиска – «субъект-ориентированной» метафизики и «объект-центрированной» философии.

То, что происходило в западной культуре в последнее два десятилетия в ситуации *post-post-mo*, можно назвать – «извлечением «телесности» из-под обломков метафизической традиции». Телоцентризм в качестве философского проекта по реактуализации «архаичных» смыслов, реактивации периферийных значений пробивает себе дорогу в современных стратегиях и практиках рефлексии и способствует качественному обновлению всей совокупной философской проблематики. Альтернативы, открывающиеся перед телесно-ориентированными практиками рефлексии, выводят исследователя за границы принудительного дисциплинарного пространства бинаризма, ибо «взгляд на мир вне дихотомий внутреннее/внешнее, субъект/объект, материальное/идеальное требует не только смены интонации и предмета анализа, но и введения в рефлексивные процедуры новых образований» [9, с. 4].

Новая гуманитарная парадигма требует нового взгляда, новой оптики. В семантике фраз – «дух как тело» и «тело как знак [2]» актуализированы альтернативные объяснительные схемы, концепты, теоретические конструкты, «мыслеобразы» и т.п. Смена «ментализма» «телоцентризмом» – это прежде всего смена системообразующего центра современной культуры «как перехода от Слова к Телу, от интеллектуальности и духовности к телесности, от вербальности к зрительному образу, от рациональности к «новой архаике», когда в центре ментальности и дискурса оказывается тело, плоть» [11]. Импульс к созданию телесно-ориентированной философии как нам представляется проистекает из предельного выхолащивания и омертвления чуждых человеку мыслеобразов ментализма. Данная ситуация отчужденности человека и его собственной телесной природы прослеживается в современной культуре на всех ее уровнях.

В интерпретации А. Лоуэна [7] в реальной социальной практике феномен недостаточной отождествленности человека с собственным телом («шизоидное отклонение») имеет патологические черты и проявляется в кризисе человеческой самотождественности, в изолированности и отчужденности самости (self) от мира. Рациональность и бинарность «ментализма» превращают тело в симулякр. Симулякризация современной ментальной среды описывается в категориях дуализма слова и вещи, первичности образа по отношению к телу: «Образ – это ментальное понятие, которое накладываясь на психологическое существование, принижает жизнь тела, отводя ему вспомогательную роль. Тело попадает в услужение образу и становится инструментом воли» [7, с. 11].

Идея «человека фактичного» [8] возникает в постмодерне в результате применения феноменологических процедур анализа «дореклексивных форм» ментальности и телесности. Единственной бесспорной реальностью для человека, его экзистенциальной фактичностью объявляется тело (сома). «Соматизация человека» – таков общий идейный замысел телесно-ориентированных философских практик, которые приходят на смену «нецентрированным моделям» субъекта постмодерна. «Соматоцентризм» («телоцентризм») таким образом является современной формой «реалистической репрезентации» человека, в его стремлении уйти от репрессивных и идеологизированных форм опосредования.

Телесно-ориентированные эпистемологии, исходя из логики становления рациональности постнеклассического типа, вписываются в общий контекст изменения форм теоретической рефлексии, в том числе появления топологических моделей субъективности и социальности. Топологический подход в теории рефлексии, проявляющий себя в антиспиритуалистских построениях философов, социологов и антропологов, предельно расширяет поле исследования современной социогуманитаристики и включает в него топологические детерминации мышления и сознания. В опыте топологической рефлексии оказываются актуализированы такие телесные феномены как (ужас, гнев, боль и радость), которые фактом собственного существования и «бытования» очерчивают границы и возможности их корректной репрезентации в трансцендентализме и ментализме.

Из различия в понимании боли в акте *cogito* между Ж. Батаем и Ж. П. Сартром, по мнению В. Савчука [10], вырастает вся совокупная проблематика современной теории рефлексии. Ж.П. Сартр остается в рамках трансцендентализма, поэтому для него *cogito* является неуязвимым атомом, вневременным,

неустрашимым основанием. Ж. Батай, напротив демистифицирует картезианское *cogito*, представляя его лишь в определенном отношении, в качестве точки в пространстве человеческих связей, имеющих место во времени.

Топологические практики рефлексии оказываются актуализированы также в концепции интеробъективности, которая появляется в рамках популярного направления социогуманитаристики – «социологии вещей». Требование нередукционистской проблематизации «вещности» материального мира, заложенное в программных положениях «социологии вещей», позволяет преодолеть крайности социологизма и увидеть социальные значения в их комплементарности по отношению к «миру вещей».

Возникновение топики постфилософии со своим устоявшимся словарем, стилевыми и жанровыми особенностями письма и дискурсивными правилами – факт вполне очевидный. Постмодернизм и постструктурализм развенчали последние метафизические надежды в отношении всесия Логоса в покорении Неба. Чередой поворотов (лингвистический, нарративный, текстуалистский, иконический) завершается современный этап в развитии западной философии и наступает маргинальная в идеологическом плане эпоха – *post-post-mo*. Безусловно, топики постфилософии имеет переходный статус и для ее полноценного становления потребуется определенное время. Кроме того, стремительно меняется сам мировоззренческий контекст функционирования современных философских идей. Нынешнюю эпоху все чаще называют эпохой «постинформационного общества», когда в сознании современников возобладала «инфофобия» (*info-phobia*), тотальная подозрительность к миру информации вообще. Очевидным стремлением в подобной ситуации является изменение языка метаописания, редискрипция дискурсивных оснований мышления.

Комплементарные друг другу телоцентризм и топологические практики рефлексии, по нашему мнению, осуществляют сознательный прорыв, с одной стороны, в области философской инноватики, где возможно агрегация альтернативных смыслов и значений, с другой стороны, в пространство архаичных практик мышления, где происходит реактуализация вытесненных культурой значений и смысловых ракурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989.
2. *Гредновская Л.В.* Дух как тело и тело как знак: два кризиса в зеркале рационализма // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Вып. № 1. 2013. Т. 13.
3. *Деррида Ж.* Вокруг Вавилонских башен / Пер. с франц. В.Е. Лапицкого. СПб., 2012.
4. *Джемаль Г.* За пределами постмодернизма <http://www.soob.ru/n/2003/1/op/10>
5. *Кутырев В.А.* Время Mortido. СПб., 2012.
6. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. Г. Тульчинского и М. Эпштейна. СПб., 2003.
7. *Лоуэн А.* Предательство тела. М., 1998.
8. *Пастушкова О.В.* Человек фактичный: постмодернизм versus экзистенциализм. <http://www.tipa-biblioteka.narod.ru/hf.doc>.
9. *Савчук В.В.* Кровь и культура. СПб., 1995.
10. *Савчук В.В.* Топологическая рефлексия. М., 2012.
11. *Тульчинский Г.Л.* Метафизика, свобода и самосознание // Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков: Материалы межд. конференции. Санкт-Петербург, 28-29 октября 1997 г.
12. *Тульчинский Г.Л.* Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001.
13. *Фидлер Л.* Пересекайте рвы, засыпайте границы // Современная западная культурология: самоубийство дискурса. М., 1993.
14. *Элиаде М.* Испытание лабиринтом (беседы с Клодом-Анри Роке) // Иностранная литература. 1999. № 4.
15. *Эко У.* Из заметок к роману «Имя розы: постмодернизм, ирония, удовольствие // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М., 1986.
16. *Эпштейн М.* Философия возможного. СПб., 2001.

REFERENCES

1. *Bart R.* «Selected works: Semiotics. Poetics» / Roland Barthes; Lane. with Fr. M.: Progress, 1989.
2. *Grednovskaya L.V.* The spirit of the body and the body as a sign: two crises in the mirror rationalism // Vestnik of the South Ural State University. Series: Social sciences and the humanities. Issue 1. 2013. Vol. 13.
3. *Derrida J.* «Around the towers of Babel» / Lane. with Fr. 2nd edition. SPb.: Machina, 2012.
4. *Jemal G.* «Beyond postmodernism» URL: <http://www.soob.ru/n/2003/1/op/10>
5. *Kutyrev V.A.* Time Mortido. SPb.: Aleteia, 2012.
6. «Projective philosophical dictionary: New terms and concepts / edited by G. Tulchinsky and M. Epstein. SPb., 2003.
7. *Lowen A.* «The betrayal of the body». M., 1998.
8. *Pastushkova O.* «Man in fact: postmodernism versus existentialism» URL: <http://www.tipa-biblioteka.narod.ru/.hf.doc>
9. *Savchuk V.* «Blood and culture». SPb., 1995.
10. *Savchuk V.* «Topological reflection». M., 2012.
11. *Tulchinsky G.L.* Metaphysics, freedom and identity // Perspectives of metaphysics. Classical and non-classical metaphysics at the turn of the centuries: proceedings of the int. conference. St. Petersburg, October 28-29, 1997.
12. *Tulchinsky G.L.* Freedom and meaning. New shift humanitarian paradigm. Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001.
13. *Fiedler L.* Cross ditches, add borders // Modern Western culture: the suicide of discourse. Moscow, 1993.
14. *Eliade M.* Ordeal by labyrinth (conversations with Claude-Henri Rock) // Foreign literature. 1999. N 4.
15. *Eco U.* «Of notes for the novel «The name of the rose: postmodernism, irony, pleasure» // To Call a spade a spade: Software performance of masters of Western European literature of the XX century. M., 1986.
16. *Epstein M.* The Philosophy possible. SPb., 2001.

13 февраля 2015 г.